

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Надежда Вольпин

Свидание с другом

Роман

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)
В71

Вольпин, Н.

В71 Свидание с другом: Роман / Н. Вольпин. – М. : Агентство ФТМ / RUGRAM, 2021. – 202 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74371-1

Надежда Давыдовна Вольпин (1900–1998) — поэт и переводчик, посчитала своим долгом воссоздать образ Есенина, отличающийся «от привычного канона», созданного современными литературоведами. «Передать в будущее ценителям поэзии Сергея Есенина его живые слова, пронесённые памятью сквозь всю мою долгую жизнь, — такова была моя задача при осуществлении этих записей», — подчёркивает автор. Воспоминания Надежды Вольпин — это вольный рассказ о былом, он документально подтверждён реальными фактами есенинской эпохи, облагорожен личными переживаниями, чувствами, мыслями, когда опускается всё лишнее, второстепенное, оставляя читателя один на один с Поэтом.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

BIC FA
BISAC FIC00000

ISBN 978-5-521-74371-1

© Т8 RUGRAM, 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

© Н. Д. Вольпин, текст, наследники, 2021

ОТ АВТОРА

Сохранить для младших современников, передать в будущее ценителям поэзии Сергея Есенина его живые слова, его суждения, пронесенные памятью сквозь всю мою долгую жизнь со дней далекой юности, — такова была моя задача. Задача и долг.

Поначалу я думала обойти молчанием всё личное моё, отступить в глухую тень, показать только поэта. Но в ходе работы поняла: это неосуществимо. Да и не нужно: ни к кому не обращенные, повисшие в пустоте, слова останутся мертвы и непонятны. Да и как уйдешь от себя самой?

Знаю: возникающий в моих записях образ поэта далек от привычного канона сегодняшней есенинианы. Но, может быть, тем лучше?

Впрочем, надо помнить: в записях моих Сергей Есенин встает более молодым, чем тот, изучаемый... С последней нашей встречи ему оставалось жить шестнадцать месяцев. Шестнадцать месяцев роста и жадного творчества.

А эта книга... Пусть ее примут, какой она есть. Перестраивать ее у меня уже не достанет ни сил, ни отпущенного срока жизни.

Москва, январь 1984

Часть первая
БЕРЕГИ ОГОНЬ
(1919–1920)

*Я все о том же. Все в котомке
Воспоминаний горький хлеб.*

БЕЛЫЙ И «ЗЕЛЕННЫЕ»

Итак, наша молодежная группа при Союзе поэтов оформлена. Назвались «Зеленой мастерской». Сейчас, — поясняет Яков Полонский, — иначе нельзя: куда-нибудь в Малаховку и то не проедешь. А тут — выписал командировку, приклепнул печать и езжай хоть в Кемь! В группе, кроме самого Полонского, студента-медика, трогательно влюбленного в поэзию (он и сам пишет стихи, даже выпустил в свет сборничек «Вино волос»), числятся: молчаливый и зябкий Захар. Хацревин (для меня

он брат двух прехорошеньких девочек-малышек, учившихся, как и я, в гимназии Н. П. Хвостовой), талантливая Наталья Кугушева (в прошлом княжна Кугушева) — горбатенькая, с красивым лицом, длинными стройными ногами (они показывали, какой ее задумала природа), синими печальными глазами и чуть приглушенным чарующим голосом. Через четыре года она выйдет замуж за прозаика из «Кузницы» Михаила Сивачева (кузнец и княжна!). А в 1957 году я с горечью узнаю, что давняя моя подруга, уже овдовев, лишилась зрения. Назовем еще Евгения Кумминга (тоже брат «хвостовки»): весьма деловитый и, как мы полагали, безусловно одаренный юноша. И, наконец, тот, кого назвать бы в первую голову, кто прочнее нас всех войдет в литературу: младший друг Кумминга и его подопечный — Веня Зильбер. В группе он всех моложе. Веню мы снисходительно поучали, разбирая его стихи, что у него несомненно есть обнадеживающие задатки, но... не поэта: пусть пытается силы в драматургии, в прозе... И судили мы правильно. В дальнейшем наш Веня покажет себя и как литературовед — В. Зильбер, и как прозаик — Вениамин Каверин. А его самонадеянный покровитель Кумминг года два спустя смоемся за границу, и в начале двадцать второго года я прочту на страницах белоэмигрантской газеты подписанный его именем рассказец, даже для этого издания несосветимо пошлый! Делец взял верх над поэтом и драматургом, каким мы его мнили.

Шла осень девятнадцатого года. Холод и голод. Мне передан приказ по группе: сегодня читаем в «Литератур-

ном особняке». Явка обязательна — придет послушать молодых сам Андрей Белый!

Собиралась наша «Мастерская» чаще всего на квартире у Полонского (и тогда нас робко слушала его сестра-подросток, с годами пришедшая в литературу как редактор, и совсем юная ее подруга Сусанна Жислина — в дальнейшем известная фольклористка). Реже у меня, и тогда нас приходил послушать старый друг моей семьи Яков Яковлевич Рогинский — антрополог, в ту пору только лишь начавший свой славный путь в науке. Иногда мы всей группой выступаем по разным клубам, литкружкам.

И вот приказ: явиться в «Литературный особняк». Это где-то на Поварской или Молчановке... или в Борисоглебском? Точней не помню. Я пришла, не захватив тетрадки. Читаю всегда на память. Едва ли не последней. В группе меня считают сильной, вот и приберегли «под занавес». Белый слушает очень внимательно. Я читаю свою «урбанистическую рапсодию» («С седьмого этажа»). Поэт слушает, помечая что-то на листике. Волнуюсь. Даже мой слабый голос окреп — от возбуждения: мы-де еще поспорим! Ваше дело — критика, наше — отпор! Эх, услышать бы что-нибудь ценное, по существу... Пусть разругает в разнос. Нет, исправлять не стану... Но... для дальнейшей бы работы!

Разноса не было. Андрей Белый, когда разговоры кончились, подошел ко мне и... поцеловал мне руку. Сказал, как рублем подарил:

— Спасибо! Такого пятистопного ямба я не слышал и у зрелых наших поэтов. Понимаете... ведь пятистопник в

русской поэзии разработан куда меньше, чем четырех-
стопный ямб. Уже и то приятно, что ни разу не сбились
на шестистопник. Но главное... У вас на полсотни строк
(«сорок четыре», — уточнила я) в одиннадцати встрети-
лось ускорение¹ на третьей стопе — самый редкий при-
ем! А эти ваши хориямбы на многосложных словах!

Я стою растерянная. Решив (и справедливо), что я не
знакома с его терминологией (о его анализах в книге
«Символизм» знаю только по пересказу подруги), Белый
процитировал из прочитанного мною (бог ты мой, ведь
записал же!)

Город затих. Шестой этаж и выше

Или это:

Огненно музыка росла волнами.

Тут и хориямб и ускорение на третьей стопе!

Или вот это:

Простерлось комнате... — как там у вас дальше?

Забегая вперед, расскажу: полгода спустя, прочитав у
меня в тетради мой «Седьмой этаж», Сергей Есенин
остановился на этом же двестишии:

Простерлось комнате, ложась на крыши,
Плавучей ночи лунное крыло,

и сказал: — А вот это образ! Зримый образ!

¹ То есть отсутствие ударения там, где ему надлежало — или дозво-
лено — быть по метрической схеме. — Н. В.

Каждый отметил свое. С позиций своей школы. Однако ни тот, ни другой ничего не сказал «зеленой» поэтессе по самой сути! Вескую критику от старшего поэта я услышала (впервые за весь год!) только раз: от Вячеслава Иванова — летом 1920 года, когда шел набор в Литературную студию (развернувшуюся далее в Литературный институт). На вступительном коллоквиуме я, вообразив, что мой судья — строгий классицист, прочитала давнее свое квазиреволюционное стихотворение с крепко проработанной строфой, но по содержанию поверхностное, трафаретное. И выслушала заслуженную отповедь.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. МОЛОЧНЫЙ БРАТ

В Союзе поэтов — то есть в кафе почти насупротив Главного телеграфа, но несколько ближе к центру (в те годы — Тверская, 18, бывшее кафе «Домино») — отмечается вторая годовщина Октября. Я пришла, прихватив кое-кого из друзей «непоэтов» уж очень напрашивались.

Идут выступления. Имена почти неизвестные. Кто-то из распорядителей подходит к столику в зале.

— Сергей, выступишь?

— Да нет, неохота...

— Нехорошо. Ты же на афише.

— А меня не спрашивали... Так и Пушкина можно поставить в программу.

Из молодежи почти никто не выходит читать. Да и